

Джеймс пошел в начальную школу в восемь лет.

В этом возрасте дети бывают невероятно чувствительными и столь же жестокими. Район среднего класса, где жили супруги Лейтон, был невелик, поэтому их историю знали практически все. И хотя в лицо Джеймсу наверняка сочувствовали, кто знает, что говорили о нем за закрытыми дверями?

По крайней мере, если бы родители не подливали масла в огонь, дети не стали бы как попугаи повторять в школе, что Джеймс — сын дьявола, приносящий несчастья. Стоило кому-то одному начать, как остальные тут же принялись травить и без того нелюбимого мальчика.

Оба взрослых знали о ситуации, но чувствовали себя бессильными. В конце концов, это были детские разборки. Кларк в юности тоже был объектом насмешек из-за своей деревенской простоты, а что касается Брюса... он вообще никогда не ходил в школу.

Да и можно ли было ожидать от Брюса советов по налаживанию межличностных отношений?

Им оставалось лишь молча обрабатывать раны Джеймса, когда тот изредка возвращался домой побитым, и пытаться вытянуть его из холодного, мрачного угла, в который он забивался все глубже.

— Опять подрался? — спросил Брюс, наблюдая, как Кларк смазывает ссадину на лбу мальчика.

Джеймс кивнул, упрямо сжимая губы.

— Ты дал сдачи? — снова спросил Брюс.

Мальчик помолчал несколько секунд, а затем ответил:

— Я пытался, но их было слишком много, и они сильнее меня. Я не справился.

— Если знал, что не справишься, почему не убежал? — Брюс не собирался оставлять его в покое.

Джеймс прикусил губу и отвернулся, промолчав.

Кларк, глядя на упрямый вид ребенка, вопросительно посмотрел на своего возлюбленного в инвалидном кресле.

Как и ожидалось, Брюс слегка приподнял брови. Его острые, ледяные голубые глаза наполнились сарказмом, и он усмехнулся:

— Победить не можешь, убежать не хочешь. Что тебе остается, кроме как терпеть побои?

Он подъехал на кресле к мальчику и с силой нажал на синяк у него на боку. Тот вскрикнул, на лбу выступили капельки пота, а в зеленых глазах, полных обиды и упрямства, застыл вызов.

— С таким характером однажды тебя просто забьют до смерти, — холодно произнес Брюс.

Кларк тихо попытался его остановить:

— Брюс...

Но тот даже не взглянул на него, продолжая:

— Даже если сейчас ты сможешь дать им отпор, в будущем встретишь еще более сильных противников. Что тогда? Будешь бежать, пойдешь на компромисс или снова позволишь себя избить до полусмерти?

— Я ни в чем не виноват, почему я должен бежать?! Пусть лучше убьют, — с ненавистью бросил Джеймс, не желая уступать.

— Тогда твоя жизнь гроша ломаного стоит, — Брюс повернул голову и вздохнул. — Пожалуй, мне не стоило тебя убеждать. Рано или поздно ты сам поймешь, что в этом мире слишком много вещей, заставляющих склонить голову.

С тех пор в ежедневные дополнительные занятия Джеймса добавился еще один пункт: физическая подготовка.

Поначалу Брюс заставлял его просто бегать вокруг дома и выполнять базовые силовые упражнения. Кларк купил спортивный инвентарь и каждый день по часу занимался вместе с ним.

Если бы Брюс не был прикован к креслу, он, вероятно, сам взялся бы за обучение мальчика, как учил каждого из Робинов: как драться, как защищаться, как совершать стратегическое отступление.

Во всяком случае, он не рассчитывал, что Кларк научит его чему-то путному. Всю свою жизнь Кларк полагался на одно: подавлять врага абсолютной силой, не уклоняясь от ударов. Если у тебя нет такой же неуязвимости, как у него, обучение у Кларка приведет к плачевным последствиям.

Они наняли тренера по тхэквондо. Поскольку Брюс не собирался растить из Джеймса Робина, обычного тренера было вполне достаточно.

Ситуация в школе наконец изменилась: Джеймс перестал быть пассивной жертвой и научился давать отпор. Дети — стадные животные, и как только заводи́ла поня́л, что Джеймс больше не легкая добыча, он переключился на другого новичка — тихоню.

Спенсер Рид был маленьким гением, но, поверьте, американская начальная школа не жалу́ет таких детей.

Школьный хулиган Томсон, поняв, что с Джеймсом связываться опасно, начал зади́рать добродушного Рида. Сначала он ударил его сзади во время урока, потом выбросил все его книги в школьный туалет, а на третий раз стал поджидать у ворот.

Рид не смел сопротивляться, да и его хрупкое телосложение не позволило бы дать отпор Томсону и его шайке.

Когда Томсон в очередной раз полез с кулаками к Риду, Джеймс не выдержал. Он, словно маленький бычок, врезался в хулиганов, оттащил бледного гения за спину, а затем, закатав рукава, бросился на Томсона.

— Я чертовски долго терпел тебя! Хватит издеваться над людьми! — Джеймс был так решителен, что его напора испугались даже приспешники Томсона, и никто не рискнул вмешаться.

Томсон взвыл от боли, когда кулак Джеймса угодил ему в живот.

Рид, прятая́щийся за спиной Джеймса, словно кролик, робко высунул голову и тихонько дернул его за рукав, шмыгая носом.

Джеймс резко обернулся, заставив Рида вздрогнуть, и сбивчиво спросил:

— Что такое?

— Тот... перестань, пожалуйста, ему же больно.

— А когда он бил тебя, он не знал, что тебе больно? Сегодня никто меня не остановит! — разозленный Джеймс не шутил.

В итоге он сполна удовлетворил свое желание и хорошенько проучил хулигана. Правда, эффект оказался даже слишком сильным: он отправил бедолагу в больницу. Не то чтобы Джеймс был таким уж мастером боя, просто пухлый Томсон оказался невероятно хилым — с виду громила, а на деле хватило одного удара.

Неважно, как Томсон вел себя раньше, теперь он лежал в больнице, и школа потребовала вызвать родителей обеих сторон.

Джеймс стоял в коридоре больницы, опустив голову. Он был потрясен, увидев приближающееся инвалидное кресло. Брюс не любил появляться на людях вместе с Кларком, поэтому мальчик думал, что придет только Кларк.

Но приехал Брюс.

Даже будучи пятидесятилетним мужчиной в кресле, Брюс сохранял такую невозмутимую и властную ауру, что никто не смел смотреть на него свысока. Через пару минут учитель уже подсознательно разговаривал с ним в крайне почтительном тоне.

Мать Томсона пришла одна. Она не выглядела богатой: мозоли на руках и потертая сумка говорили о бедности.

Джеймс закусил губу. Он всегда думал, что Томсон такой наглый, потому что его родители — важные шишки.

Но из разговора взрослых он узнал, что отец Томсона умер несколько лет назад, вся нагрузка легла на плечи матери, а дома у них еще осталась сестра с умственной отсталостью.

— Я знаю, что Томми не ладит с одноклассниками, у него большой стресс, поэтому... — женщина замялась. Она была добрым и даже робким человеком, иначе бы уже требовала с Брюса огромную компенсацию.

Джеймсу стало не по себе. Казалось, будто это он — жестокий хулиган, притесняющий слабого.

Брюс не стал создавать проблем. Поговорив с учителем и матерью Томсона, он с готовностью взял на себя все медицинские расходы и компенсацию, а затем увел Джеймса.

По дороге домой Джеймс шел, опустив голову, позволяя чувству вины терзать его маленькое сердце.

Кларк ждал их дома. Он заботливо вкатил кресло Брюса в комнату, подал ему заранее заваренный чай и тарелку печенья.

Брюс не проронил ни слова и даже не взглянул на мальчика, отчего тот страдал еще сильнее. В комнате воцарилась тревожная тишина, нарушаемая лишь звуками чаепития.

— Я виноват, — прошептал мальчик, сглатывая ком в горле. — Прости, Брюс, я был неправ.

Кларк понимающе сбегал на кухню за другой порцией печенья и подмигнул Джеймсу, намекая, чтобы тот продолжал и объяснил, в чем именно ошибся.

— Я не жалею, что защитил Рида. Они не должны были его обижать. Но когда Рид попросил меня остановиться, я должен был послушаться. Я не должен был продолжать бить Томсона и доводить дело до травм, — голос мальчика дрожал от раскаяния. — Я думал, он просто заносчивый хулиган, я слишком разозлился и потерял контроль.

— Значит, если бы сегодня пришла не миссис Лотти, а пара высокомерных богачей, ты бы считал свои действия правильными? — в голосе Брюса нельзя было уловить ни гнева, ни одобрения, отчего становилось еще тревожнее.

Кларк за спиной Брюса замахал руками, но тот внезапно обернулся и бросил на него строгий взгляд. Кларк тут же вытянулся и покорно наполнил чашку чаем.

— Я... — Джеймс растерялся. Слова миссис Лотти заставили его винить себя, ведь Томсон был так жалок. Но если бы он не был таким жалким? Если бы он был настоящим подонком? Считал бы он тогда свои действия правильными? Или Брюс просто хотел сказать, что нельзя бить так сильно?

— Тогда, следуя твоей логике, преступники, совершившие убийство из-за тяжелых обстоятельств, заслуживают сочувствия, а те, у кого натура плохая — должны быть покарены или убиты? — продолжал Брюс.

— Я... я не знаю.

— Вот и думай, — Брюс поставил чашку и, не оборачиваясь, уехал в свою комнату.

Несколько дней он не разговаривал с Джеймсом нормально. Уроки продолжались, но лишнего слова он не произносил.

Джеймс хотел обратиться к Кларку, но тот лишь погладил его по голове:

— В этот раз ты должен разобраться сам, сынок. Это важно. К тому же, при характере Брюса, если он узнает, что я помогал тебе втайне, нам обоим не поздоровится. А при его интеллекте он точно узнает.

Делать нечего, Джеймс отправился к Риду — своему единственному другу, который, хоть и не блистал эмоциональным интеллектом, зато был гением.

— Почему ты ударил Томсона? — спросил Рид.

— Потому что он хулиган? — буркнул Джеймс.

— Я спрашиваю, почему ты начал драку?

— Чтобы спасти тебя!

— А почему ты продолжил бить его после того, как спас меня? Особенно когда я попросил остановиться, и он уже не мог дать сдачи? — вопрос Рида попал точно в цель.

Джеймс закусил губу:

— Потому что я хотел его проучить. Он всегда всех обижал.

— Раз он раньше бил и тебя, ты хотел отомстить. Но почему ты не бил его раньше?

Потому что раньше я был слабее, а теперь стал сильнее и решил отомстить... Джеймс вздрогнул и еще ниже опустил голову.

— Я тоже хулиган, Рид. Защита тебя или желание проучить злодея — лишь оправдания. Я избил Томсона, чтобы отомстить, потому что я сильнее и у меня была возможность это сделать... Я такой же, как Томсон, пользуюсь своей силой, чтобы обижать других.

Джеймс был в отчаянии. Рид помолчал, а потом похлопал его по плечу:

— Но я думаю, ты не такой, как Томсон. Ты спас меня. По крайней мере, в самом начале ты сделал это ради меня.

Это немного утешило его, но осадок остался. Он не знал, как сказать Брюсу, что он сам — такой же маленький тиран. Что Брюсу не стоило нанимать тренера, что лучше бы он позволил себя бить, лишь бы не причинять вреда другим.

Той ночью он опустился на колени у кресла Брюса и тихо высказал все свои грязные мысли.

Джеймс не смел поднять глаз. Он чувствовал себя не просто разочарованием, а настоящим злодеем в зародыше.

В конце концов мальчик не выдержал и заплакал:

— Я виноват. Прости, Брюс, я плохой человек. Выбросьте меня.

— Перестань плакать, Джим, — перед ним возник платок.

Брюс смотрел на восьмилетнего ребенка, который рыдал так, будто совершил немыслимое преступление и ждет казни. Всего лишь ребенок... подумал он.

Предыдущие Робины не любили плакать — возможно, потому что не хотели показывать

слабость, а может, из-за специфики Готэма, где каждый знал: слезы бесполезны, они лишь заставляют сильных презирать тебя еще больше.

Хотя Брюс и говорил, что не хочет растить из Джеймса Робина, подсознательно он требовал от него того же.

Брюс погладил мальчика по голове и произнес низким голосом:

— Даже если бы ты был плохим, я не смог бы тебя выбросить. Раз я тебя усыновил, ты — моя ответственность. Если только...

Он осекся. Брюс вспомнил Джейсона — даже когда тот стал Красным Колпаком, он не отказался от него. А вот Дэмиена он оттолкнул, и, возможно, никогда не сможет простить его поступков.

— В этом мире всегда кто-то сильнее других. Использовать силу — не чудо. Но умение сдерживать ее, не используя мощь как повод для обиды слабых — вот что достойно уважения, — Брюс продолжал спокойным тоном. — Ты правильно поступил, защитив одноклассника, но ты не должен был терять контроль над собой. Ты позволил гневу взять верх над разумом.

В конце концов он помог мальчику подняться:

— Ты не плохой человек, Джим. Поверь мне, я видел настоящее зло, и ты к нему не относишься. И я не позволю тебе стать таким.

<http://bllate.org/book/18899/1847569>